

18+

Кафе «Под дубом»

Summer Bjorn

Под дубом

КОФЕ
ПИРОГИ
ТИШИНА

Summer Bjorn

Кафе «Под дубом»

<https://litres.ru/74286518>

ISBN 9785007077323

Аннотация

У вокзала маленького подмосковного городка стоит кафе с неоновой вывеской «Под дубом». Хозяйку зовут Вера. На вид — обычная женщина. Сюда заходят разные. Те, кому просто нужно поговорить про погоду. Те, кто тридцать лет не может рассказать одну историю. И те, кто приходит сюда за чужим. Вера никого не учит. Она просто наливает кофе. Иногда — что-то другое. Иногда посетители к ней возвращаются. Иногда — с цветами. Иногда — с ножом.

Содержание

Октябрь. Глава первая. Иван Сергеевич про погоду	5
◆ ◆ ◆	11
◆ ◆ ◆	16
Октябрь. Глава вторая. Шестая квартира	20
◆ ◆ ◆	22
◆ ◆ ◆	28
◆ ◆ ◆	32
Октябрь. Глава третья. Человек с пирожком	35
◆ ◆ ◆	48
Ноябрь. Глава четвёртая. Что Соня сказала Полкану Ефимычу	51
◆ ◆ ◆	58
◆ ◆ ◆	62
◆ ◆ ◆	64
Ноябрь. Глава пятая. Эдуард Михайлович	66
◆ ◆ ◆	76
◆ ◆ ◆	79
Ноябрь. Глава шестая. Овсянка	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Кафе «Под дубом»

Summer Bjorn

© Summer Bjorn, 2026

ISBN 978-5-0070-7732-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Октябрь. Глава первая.

Иван Сергеевич про погоду

В половине восьмого Вера открыла кафе и пустила октябрь.

Октябрь стоял у двери два часа — от темноты до серого света — и, кажется, обиделся, что его так долго держали. Ввалился весь сразу, с мокрыми листьями, с запахом железной дороги, с дальним гудком электрички из Москвы. Полкан Ефимыч, спавший на стуле у окна, открыл один глаз, оценил октябрь, закрыл обратно. С октябрём он был лично знаком уже несколько лет и не считал нужным каждый раз вставать.

Вера стояла на пороге секунду дольше, чем нужно. Смотрела на дуб.

Дуб был старый. Старше кафе, старше дороги, старше городка, который собрался вокруг вокзала в тридцатых. Дуб помнил, как тут было пусто. Вера тоже помнила — не этот конкретный пустырь, но похожие, много, и все они однажды кончались тем, что приходили люди и что-нибудь строили. Сейчас вокруг дуба стояли: кафе с неоновой вывеской «Под дубом» (буквы делал в девяносто шестом мастер из Электростали, пил, но честный), асфальтовая площадка, пять машин, мусорный бак и фонарь, который Вера в этом году ещё

не зажигала с утра, но скоро придётся.

Дуб был жёлтый. Не золотой — жёлтый, как старая открытка. Несколько листьев лежали на крыльце. Вера один подняла, посмотрела, положила в карман фартука.

— Доброе утро, — сказала она дубу.

Дуб не ответил. Он никогда не отвечал, но это ничего не меняло.

Вера зашла внутрь, повесила куртку, надела фартук поверх и пошла включать кофеварку. Кофеварка была большая, итальянская, восьмого года, и Вера её любила. У кофеварки был характер: по понедельникам она капризничала, по средам работала идеально, а по субботам, если на улице шёл дождь, могла обидеться и не нагреться. Вера её за это давно прозвала Глафирой Фаемовной — итальянка, дама с характером. Сегодня был понедельник, и Вера заранее начала её гладить ладонью по боку.

— Ну, Глафира Фаемовна, — сказала она. — Ну не надо. У нас сегодня Иван Сергеевич, ты же знаешь.

Кофеварка помолчала и зашипела — как кошка, но добрее. Это был хороший признак.

Полкан Ефимыч, услышав, что разговаривают не с ним, перевернулся на другой бок и демонстративно вздохнул. Вера подошла, почесала его за ухом.

— Полкан Ефимыч, имейте совесть. Глафира Фаемовна старше вас.

Полкан Ефимыч имел на этот счёт своё мнение, но мол-

чал.

В восемь четырнадцать Вера достала из печки противень с булочками — корица, мак, творог, — и расставила их под стеклом. Маковые пошли в первый ряд: одну из них через минуту купит Иван Сергеевич, а Иван Сергеевич всегда брал ту, которая стояла слева.

В восемь пятнадцать ровно открылась дверь. Колокольчик звякнул так, как звенел уже одиннадцатый год: коротко, без энтузиазма.

— С добрым утром, — сказал Иван Сергеевич, не глядя на Веру. Он никогда не смотрел на неё в момент приветствия — это была у него такая особенность, или вежливость, или защита, Вера не уточняла.

— И вам, Иван Сергеевич.

Он снял шляпу — у него была настоящая шляпа, серая, фетровая, такие перестали носить лет сорок назад, — повесил на крючок, прошёл к своему столу у окна, сел. Полкан Ефимыч, не открывая глаз, чуть подвинул хвост: уважение, оказанное только троим в этом кафе.

Вера налила чёрный кофе. Положила маковую булочку из левого ряда. Принесла.

— Сегодня, — сказал Иван Сергеевич, глядя в окно, — небо как промокашка. Кто помнит, что такое промокашка.

— Я помню.

— Ну вы-то да.

Это была его сегодняшняя фраза про погоду. Вера улыб-

нулась — внутрь себя, не наружу, чтобы не смутить Ивана Сергеевича, — и пошла обратно к стойке. У Ивана Сергеевича был сорокаминутный ритуал, в который не следовало вмешиваться.

В восемь двадцать две зашла Маша, уронила рюкзак, сказала «доброе» и убежала в подсобку переодеваться. Маша работала три-четыре смены в неделю, утренние и вечерние перемежались, и в утренние смены она всегда опаздывала на семь минут и всегда говорила «доброе», как будто это было полное предложение. В остальные дни она училась — на филфаке, на заочном; готовилась к январской сессии плохо.

В восемь тридцать Тамара Леонидовна прошла мимо окна — её маршрут шёл мимо кафе, в библиотеку, где она уже не работала, но куда заходила каждое утро, потому что новая заведующая боялась её и поэтому не выгоняла. Тамара Леонидовна заглянула, увидела Веру, кивнула, пошла дальше. Вечером зайдёт.

В восемь сорок пять появился первый случайный — мужчина с чемоданом, командировочный, торопится на восьмичасовую электричку, которую уже пропустил. Заказал капучино навынос, выругался себе под нос, ушёл. Вера налила, дала, не стала говорить, что следующая через двенадцать минут — он узнает сам, когда успокоится.

В восемь пятьдесят пять Иван Сергеевич доел булочку, допил кофе, встал. Положил на стол ровно столько, сколько стоил завтрак, плюс пятнадцать рублей сверху — всегда пят-

надцать, ни рублём больше, — надел шляпу, кивнул Полкану Ефимычу (Полкан Ефимыч кивнул в ответ, не открывая глаз), повернулся к Вере.

— Вера.

— Да, Иван Сергеевич.

Он постоял секунду. Потом сказал:

— Сегодня странный день будет.

И вышел.

Вера осталась стоять с тряпкой в руке. За одиннадцать лет Иван Сергеевич не сказал ей ничего, кроме фразы про погоду и «спасибо». Это было первое отступление от ритуала.

Маша из-за стойки спросила:

— Что он сказал?

— Что день странный.

— Он откуда знает?

— Он железнодорожник. Они знают.

Маша посмотрела на неё, не уверенная, шутка это или нет. Вера и сама не была уверена. Она пошла к окну, где сидел Иван Сергеевич, протёрла стол. Под салфеткой лежал листок — вырванный из календаря, октябрьский, шестое число. Иван Сергеевич никогда ничего не оставлял. На листке его почерком — стариковским, наклонным, очень аккуратным — было написано:

«Если что — я в шестой квартире. Журавлёв знает.»

Вера сложила листок, положила в тот же карман фартука, где лежал жёлтый лист с дуба. Подумала. Потом сказала

Полкану Ефимычу:

— Полкан Ефимыч. Будьте добры, разбудите себя.

Полкан Ефимыч открыл оба глаза. Это случилось редко.

В одиннадцать двадцать в кафе зашла женщина, которую Вера не знала.

Это само по себе ничего не значило — мимо вокзала идут разные. Но женщина вошла, остановилась на пороге, осмотрела зал, и Полкан Ефимыч с своего стула встал. Не зашипел. Просто встал, спрыгнул, прошёл мимо женщины, не глядя на неё, и ушёл в подсобку.

Вера вытерла руки.

— Проходите.

Женщина прошла. Села не у окна, у стены. Лет сорок пять, может пятьдесят, в дорогом пальто, с маленькой сумкой. Лицо обычное — Вера такое видела тысячу раз, в любую эпоху, у любой национальности: лицо человека, который много лет несёт что-то, и это что-то наконец стало тяжелее, чем он сам.

— Что будете?

— Что-нибудь горячее. Не кофе.

Вера посмотрела на неё ещё секунду. Потом сказала:

— У меня есть какао. Не из пакета. С перцем.

— Давайте.

Вера пошла варить. Маша, протиравшая стаканы, посмотрела на неё вопросительно — какао с перцем не было в меню, и Маша никогда не видела, чтобы Вера его варила. Вера

слегка покачала головой: не сейчас.

Какао она варила медленно. Молоко, шоколад настоящий — горький, не сладкий, — щепотка соли, на кончике ножа кайенский перец. Размешивала деревянной ложкой, по часовой стрелке, и в какой-то момент тихо сказала над кастрюлей одно слово, которого Маша не услышала, потому что Вера говорила его себе, не напиток.

Принесла. Поставила перед женщиной. Села напротив — не за стол, на соседний стул, наискось, чтобы не давить взглядом.

— Выпейте здесь, — сказала Вера. — Не уносите с собой.

Женщина посмотрела на неё. У неё были серые глаза и красные веки человека, который последние недели не спал.

— А если унесу?

— Не сработает.

— А что должно сработать?

Вера слегка пожала плечом.

— Это вы скажете, когда выпьете.

Женщина обхватила чашку обеими руками. Поддержала так. Подняла. Выпила первый глоток. Закрыла глаза.

Она пила медленно. Минуту. Две. Три. На пятой минуте у неё потекли слёзы — без всхлипываний, ровно, как из крана, который наконец открыли. Она этого, кажется, не замечала. Допила до дна. Поставила чашку.

Открыла глаза.

— Я не хотела ребёнка, — сказала она. — Тридцать лет

назад. Я сделала аборт и никому не говорила. Мужу не говорила. Никому. И с тех пор у меня детей нет, и я думала, что это вот за то. А сейчас муж умер, и я осталась одна, и мне сегодня сорок дней, и я никому не могу это рассказать, потому что все будут говорить «да что вы, это не из-за этого», и они правы, и они не правы, и я не знаю, что мне с этим делать.

Вера слушала.

— Я не знаю, что мне с этим делать, — повторила женщина. — Я тридцать лет не знаю.

Вера кивнула.

— Мне плохо, — сказала женщина. — Очень плохо.

— Я знаю.

— Вы что, правда знаете?

— Правда.

Женщина посмотрела на неё. Потом на пустую чашку. Потом снова на неё.

— Что это было?

— Какао, — сказала Вера. — С перцем.

— И всё?

— И всё.

Женщина тихо засмеялась — впервые, наверное, за много недель. Смех был некрасивый, влажный, но настоящий.

— Что мне делать?

Вера подумала.

— Не знаю, — сказала она. — Я знаю, что вам сорок дней. Я знаю, что вы пришли сюда с вокзала, потому что не могли

поехать на кладбище, потому что там было бы про мужа, а у вас сейчас не про мужа. Я знаю, что вы тридцать лет одна с этим. Я не знаю, что вам делать. Но я знаю, что вы мне это сказали, и это уже другое, чем тридцать лет.

Женщина кивнула. Долго сидела. Потом достала из сумки кошелёк.

— Сколько?

— Двести.

— Это очень мало.

— У меня всё мало. Это спорное место.

Женщина положила пятисотенную купюру. Вера не стала спорить. Женщина встала, помедлила.

— Можно я ещё приду?

— Можно.

— Я живу в Москве.

— Электрички ходят.

Женщина кивнула и вышла. Колокольчик звякнул так же без энтузиазма.

Маша подошла к стойке, посмотрела на Веру.

— Вера.

— Что, Машенька.

— У вас никогда не было какао в меню.

— Не было.

— А почему сейчас было?

Вера пожала плечами.

— А кто его знает. Иногда бывает.

Маша смотрела на неё ещё секунду. Потом вздохнула, как вздыхают двадцатилетние, которым взрослые не объясняют очевидное, и пошла протирать стаканы дальше.

Вера убрала со стола. На стуле, где сидела женщина, лежал маленький белый платок — забыла. Вера платок подняла, посмотрела, положила в ящик под стойкой. У неё там этих платков было уже штук сорок. Все возвращались за ними рано или поздно.

Полкан Ефимыч вышел из подсобки. Прошёл к своему стулу, запрыгнул, лёг. Удовлетворённо вздохнул.

В шесть часов вечера, когда серый день начал темнеть в синий, и Маша уже ушла домой, и Тамара Леонидовна допила свой чай и тоже ушла, и в кафе остались только Вера и Полкан Ефимыч и одна включённая лампа над стойкой, — открылась дверь.

Колокольчик звякнул иначе. Не громче и не тише — иначе.

Полкан Ефимыч встал. Спрыгнул со стула. Пошёл к двери. Потёрся о ноги вошедшей. Поднял на неё морду и долго смотрел.

— Здравствуй, Полкан Ефимыч, — сказала вошедшая.

Кот замурлыкал. Это случалось редко.

Вера, не оборачиваясь, потянулась за второй чашкой.

— Долго тебя не было.

— Месяц.

— Я думала, дольше.

— Нет, ровно месяц. У меня была работа в Иркутской области. Там сейчас тяжело.

Гостя повесила пальто — серое, цвета старого пепла, — и прошла к столу у стены, не у окна, всегда у стены. Села. Положила руки на стол. Руки были обычные.

Вера принесла кофе. Чёрный, без сахара, маленькая чашка. Себе налила в большую, села напротив.

Они помолчали.

— Сегодня тут был странный день, — сказала Вера. — Иван Сергеевич сказал, что день странный. Он раньше так не говорил.

Гостья отпила кофе.

— Иван Сергеевич, — сказала она, — много знает.

— Откуда?

— Железнодорожник. Они знают.

Вера посмотрела на неё. Гостья не улыбалась. Гостья почти никогда не улыбалась. Но в глазах что-то было — то, что у других людей бывает улыбкой.

— Ты сегодня заходила к кому-то в шестую квартиру? — спросила Вера тихо.

Гостья помолчала.

— Не сегодня. Но скоро.

Вера кивнула.

— Я думала.

Они сидели ещё долго. За окном стемнело окончательно. Дуб стоял жёлтый под фонарём, который Вера наконец загляла. Полкан Ефимыч запрыгнул Гостье на колени и заснул.

— Расскажи, — сказала Гостья, — что у тебя сегодня было.

Вера рассказала про женщину с какао.

Гостья слушала, гладила Полкана Ефимыча между ушами. Когда Вера закончила, Гостья сказала:

— Хорошее какао.

— Перца много?

— В самый раз.

И они ещё помолчали. И это было самое тёплое молчание, которое случается в этом кафе — когда два самых одиноких существа на земле сидят в маленьком зале под жёлтой лампой, и кот спит на коленях у одной, и кофе остывает в чашках, и за окном — старый дуб, и всё это вместе называется «вечер».

В половине восьмого Гостья встала. Полкан Ефимыч недовольно мяукнул, переполз на стул, свернулся.

— Когда теперь? — спросила Вера.

— Скоро. Иван Сергеевич сказал правду.

Вера кивнула.

— Береги себя, — сказала Вера.

Гостья посмотрела на неё долгим взглядом.

— Это, — сказала она, — не моя работа.

Надела пальто. Вышла. Колокольчик прозвенел иначе.

Вера осталась за столом. Допила свой кофе. Посмотрела на пустую чашку напротив — чашка была холодная, как будто из неё никто не пил.

Она убрала обе. Помыла. Поставила на полку.

Достала из кармана фартука жёлтый лист с дуба и листок из календаря с почерком Ивана Сергеевича. Положила рядом на стойку. Долго смотрела.

Потом сказала, никому конкретно:

— Ну хорошо. Раз странный день, значит странный день.

Полкан Ефимыч на стуле перевернулся на другой бок.

За окном дуб стоял жёлтый, и где-то в городке, в шестой квартире какого-то дома, Иван Сергеевич, наверное, уже пил вечерний чай и смотрел в окно на ту же темноту, что и Вера.

И октябрь продолжался.

Октябрь. Глава вторая.

Шестая квартира

Утром седьмого октября Иван Сергеевич не пришёл.

Вера это поняла в восемь шестнадцать. Минута опоздания у Ивана Сергеевича не случалась за одиннадцать лет ни разу. Маковую булочку из левого ряда Вера отложила в сторону, на отдельную тарелку, и накрыла салфеткой.

В восемь двадцать она сняла фартук.

— Машенька.

Маша подняла голову от телефона.

— Постоишь полчаса. Если Иван Сергеевич всё-таки придёт — посади на его место, налей чёрный, дай маковую. Скажи, что я скоро.

— А вы куда?

— В шестую квартиру.

— А где это?

Вера остановилась в дверях подсобки.

— Не знаю, — сказала она. — Но Журавлёв знает.

Она надела куртку, проверила карман — листок с почерком Ивана Сергеевича лежал там же, где лежал вчера, рядом с жёлтым листом дуба. Полкан Ефимыч, не открывая глаз, мяукнул один раз — коротко, требовательно.

— Я знаю, Полкан Ефимыч. Я тоже.

Она вышла.

Октябрь за ночь стал жёстче. Дождь не шёл, но воздух был такой, что его можно было, кажется, выжимать. Дуб стоял мокрый и тихий. Вера прошла мимо него, приложила ладонь к коре на секунду — это был у неё такой жест, как у некоторых людей привычка трогать косяк двери на удачу, — и пошла к участку.

Участок был в трёх минутах ходьбы.

##

Журавлёв стоял на крыльце участка и курил. Увидев Веру, не удивился. У него в принципе было такое лицо, которое не удивлялось.

— Вер.

— Журавлёв.

Он посмотрел на неё, потом мимо неё, потом снова на неё.

— Иван Сергеевич, — сказала Вера.

— Угу.

— Где это?

Он бросил сигарету в банку с водой у крыльца, мотнул головой:

— Пойдёмте.

Они пошли вместе. Журавлёв был на голову выше Веры и в два раза шире, и шагал он медленно, под её темп. Это было приятно — обычно люди шагают, не думая, кто рядом. Журавлёв думал.

— Он мне вчера записку оставил, — сказала Вера.

— Знаю. Мне тоже.

— У вас что написано?

— У меня — «Если что, в шестой. Веру не пугать». — Журавлёв помолчал. — Это у него юмор такой был.

— Был, — сказала Вера.

Журавлёв на «было» кивнул, как кивают на подтверждён-

ную новость.

Они свернули за поворот, прошли мимо магазина «Пятёрочка», мимо детского сада, мимо двух пятиэтажек брежневского времени и оказались у третьей, такой же. Подъезд номер два. Журавлёв набрал код — он его помнил наизусть, и Вера это отметила, — открыл дверь.

В подъезде пахло кошками и старой штукатуркой. Журавлёв молча пошёл на четвёртый этаж пешком, лифта не было.

Шестая квартира была налево от лестницы.

На двери — обычный звонок и табличка с номером 6. Журавлёв ключ достал из кармана: у него был ключ.

— Он мне отдал, — сказал Журавлёв, не оборачиваясь. — Лет восемь назад. На случай.

Открыл.

В прихожей было темно и чисто. Очень чисто. У Ивана Сергеевича всё было разложено так, как будто завтра придет инспекция: тапочки в ряд, шляпа на крючке, зонт в углу, под зонтом — поддончик. На вешалке висела куртка, в которой он ходил в последний раз. Вера её узнала — серая, с потёртыми манжетами, он её носил третий год.

Журавлёв снял ботинки. Вера тоже. Это было странно — снимать ботинки в квартире, в которой только что умер хозяин, — но они оба сделали это, не сговариваясь. Иван Сергеевич не любил, когда в его квартиру в обуви.

В большой комнате у окна стоял стул, обращённый к окну. На стуле сидел Иван Сергеевич.

Сидел, как всегда сидят за окном, — слегка наклонившись вперёд, локти на подоконнике. Перед ним была чашка. Чашка была пустая.

Вера подошла. Положила ладонь ему на плечо. Плечо было холодное, но не очень, — он ушёл, наверное, часа три назад, на рассвете.

Журавлёв стоял в дверях, не входил.

— Когда, — спросил он тихо.

— Под утро. Часов в шесть, я думаю.

— Без мучений?

— Без мучений.

Журавлёв кивнул. Постоял ещё. Потом сказал:

— Я скорую вызову. Они потом приедут. Я с ними тут останусь, бумаги. Вы посидите ещё минуту, если хотите. Я за дверью буду.

И вышел.

Журавлёв был хороший человек. Это Вера знала и без сегодняшнего утра, но сегодняшнее утро было ещё одним подтверждением, и Вера занесла его в свой внутренний список таких подтверждений.

Она села напротив Ивана Сергеевича — на стул, который явно стоял тут давно для гостей, хотя гостей у Ивана Сергеевича, кажется, не бывало. Стул был с подушкой, аккуратной, штопаной по углу.

— Ну вот, — сказала Вера.

Иван Сергеевич, понятное дело, не ответил.

— Я думала, вы ещё годик. Ну хоть зиму. Вы хотели зиму, я знаю.

Молчание.

— Промокашка ваша, — сказала Вера. — Я её помню, Иван Сергеевич. Я промокашку очень хорошо помню. У меня была одна, лиловая.

Молчание.

Вера сидела ещё минуту. Потом встала, пошла на кухню. Кухня была такая же, как всё в этой квартире: чистая до невозможности, с одной чашкой на сушке и одной тарелкой. В шкафу нашлась банка чая, открытая, наполовину пустая. Чай был грузинский, сорта «Букет». Вера такой пила в сороковых, а потом он исчез, а потом снова появился в девяностых, и Иван Сергеевич, оказывается, его тоже знал.

Она поставила чайник. Пока чайник грелся, обошла квартиру. Не из любопытства — чтобы убедиться, что не осталось ничего, что Иван Сергеевич не хотел бы оставлять чужому глазу. У всех таких стариков что-то такое есть. У Ивана Сергеевича — оказалось — было.

В спальне на тумбочке лежала фотография. Маленькая, чёрно-белая, в простой рамке. Женщина лет тридцати, с очень прямой спиной, смотрит чуть в сторону от камеры. Не красавица, но из тех лиц, мимо которых не пройти. На обороте — Вера осторожно вытащила фотографию из рамки — карандашом: «Лиде. От Ивана. 1974. Не забывай.» И поверх, другим почерком, уже выцветшим, — «Я и не забывала.»

Вера фотографию вернула в рамку, рамку поставила обратно, ровно как стояла.

— Лида, — сказала она тихо. — Ну хорошо.

В тумбочке нашлась ещё одна вещь — маленькая записная книжка, потёртая. Вера её не открыла. Это было не её. Журавлёв потом разберётся, или никто не разберётся, и это тоже нормально.

Она вернулась на кухню. Чайник вскипел. Она заварила два стакана, один отнесла к окну, поставила перед Иваном Сергеевичем. Второй взяла себе. Села напротив.

— За Лиду, — сказала Вера.

Чай был горький — она забыла, что грузинский «Букет» нужно держать недолго, иначе он становится таким. Но это было даже к месту.

В окне между двух пятиэтажек виднелся кусок неба. Небо было бледное, серое, с одной полосой почти жёлтого — там, где должно было быть солнце, но солнца не было видно.

— Сегодня, — сказала Вера в окно, — небо как старая простыня в больнице. Кто помнит, что такое старая простыня в больнице.

Она помолчала.

— Я помню, Иван Сергеевич. Я хорошо помню.

И они посидели ещё немного — она с чаем, он без, в комнате с очень чистым полом, и за окном дрожала жёлтая полоса, и где-то под подъездом приехала скорая, и Журавлёв с врачами начал подниматься по лестнице.

Вера встала. Допила чай — она всегда допивала, у неё было правило не оставлять в чужом доме недопитого. Вымыла оба стакана, поставила на сушку. Вернулась в комнату. Тронула Ивана Сергеевича за плечо ещё раз.

— Спасибо, — сказала она.

Он, понятное дело, не ответил, но Вера знала, что услышал. У неё на этот счёт был большой опыт, и она доверяла ему больше, чем собственным глазам.

Дверь открылась. Зашёл Журавлёв и двое в зелёной форме.

— Вер, я там разберусь. Идите. У вас кафе.

— Журавлёв.

— Ну.

— Похороны.

— Я займусь. У него сестра в Туле. Я ей позвоню.

— Скажите, что я тоже приду.

Он кивнул и не стал спрашивать, как она узнает когда. Он за десять лет привык, что Вера узнаёт.

Она вышла.

###

В кафе она вернулась в десять с чем-то.

Маша стояла за стойкой, и лицо у неё было тревожное. На стуле Ивана Сергеевича — на его стуле — сидела девочка.

Девочка была худая, в куртке на два размера больше, в шапке, с рюкзаком на полу. Двенадцать лет, может быть, тринадцать. Перед ней была чашка чая, к которой она не прикасалась. Перед чашкой — маковая булочка из левого ряда, та самая, которую Вера накрыла салфеткой утром.

— Она зашла, — зашептала Маша, — я ей говорю, давайте сюда, тут другое место, она говорит, нет, я тут сяду. И всё. Я растерялась.

Вера посмотрела на девочку.

Девочка смотрела в окно. У неё было лицо ребёнка, который давно живёт как взрослый. Из рукава куртки выглядывал краешек ещё одной куртки — она надела две, одна под другую.

Полкан Ефимыч сидел на полу у её ног и смотрел на неё снизу вверх, не отрываясь. Это случалось редко.

Вера подошла. Не за стойку — к девочке. Опустилась на корточки рядом со стулом, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Здравствуй.

Девочка её увидела как будто издалека. Кивнула.

— Меня Вера зовут.

— Я знаю.

— А тебя?

— Соня.

— Соня, ты булочку ешь?

Соня посмотрела на булочку. Покачала головой.

— Я не знаю, можно ли.

— Можно.

— Маша сказала, она для дедушки была.

— Дедушка не придёт.

Соня кивнула. Не удивилась. У неё было лицо человека, который вообще удивляется редко — слишком много знает в свои тринадцать.

— Тогда я съем.

— Съешь.

Соня взяла булочку обеими руками, как берут что-то очень важное, и стала есть очень медленно. Полкан Ефимыч смотрел вверх. Соня отщипнула маленький кусочек, протянула вниз. Полкан Ефимыч булочки не ел никогда. В этот раз — взял. Сел и стал жевать.

Маша сзади тихо ахнула.

Вера встала. Вернулась за стойку. Маша зашептала:

— Вера, это что вообще такое. Полкан Ефимыч мак не ест, я ему позавчера давала, он мне руку чуть не отгрыз.

— Мак иногда ест, — сказала Вера. — В виде исключения.

— А она кто?

— Соня.

— Это понятно, что Соня. А в смысле — кто?

Вера посмотрела на девочку. Соня ела булочку, смотрела в окно. На стекле от её дыхания запотевал маленький круг.

— Она наша теперь, Машенька.

Маша на это ничего не сказала, потому что отвечать тут было не на что.

Вера налила себе кофе. Подошла к окну, стала рядом с дубом, точнее — с тем местом, где дуб стоял за стеклом. Дуб стоял. С него медленно слетел один лист. Вера лист не подняла — он упал по ту сторону окна, ей не достать.

Соня доела булочку. Допила чай — Вера это отметила: правило про не оставлять в чужом доме недопитого она, оказывается, тоже знала, хотя ей никто не говорил. Потом достала из рюкзака учебник и тетрадку, разложила на столе и стала делать уроки.

Полкан Ефимыч запрыгнул на стул напротив — на гостевой, который стоял у окна на случай, если кто-то к Ивану Сергеевичу подсядет, чего никогда не случалось, — и лёг там, как будто это было его место от рождения. Соня на него посмотрела один раз, чуть улыбнулась — впервые за всё это время — и продолжила писать.

Вера стояла у стойки и смотрела на них.

В окне над дубом небо было всё тем же — серое с жёлтой полосой. Где-то на вокзале объявили электричку до Москвы.

В кафе пахло маком и чаем.

«Странный день», — сказала Вера про себя, цитируя Ивана Сергеевича.

И добавила, тоже про себя:

«Спасибо, Иван Сергеевич. За место для неё.»

##

Особая Гостья пришла вечером.

Не в шесть, как обычно, — в восемь. Соня уже ушла домой час назад: Вера её одну не отпустила, проводила сама — подъезд оказался третий по улице Гагарина, девятая квартира, дверь обитая дерматином, на двери две щеколды снаружи. Вера ничего не сказала, отметила в голове.

Когда колокольчик звякнул иначе, Вера была одна.

— Ты сегодня без работы? — спросила она, не оборачиваясь.

— Сегодня — нет.

— Иван Сергеевич...

— Я знаю. Я была там в шесть утра.

Вера обернулась. Особая Гостья стояла у двери, не сняв пальто. Полкан Ефимыч сидел у её ног, мурлыча так, как мурлычет только для неё.

— Как он?

— Хорошо. Спокойно. Он мне сказал «спасибо». Не все так говорят.

— Он у нас был хорошо воспитан.

— Да.

Они помолчали. Особая Гостья сняла пальто, повесила на крючок, прошла к своему столу у стены. Вера уже несла кофе.

Они сели.

— Я видела сегодня девочку, — сказала Особая Гостья.

— Соню.

— Соня.

— Что ты про неё видишь?

Особая Гостья отпила кофе. Долго не отвечала.

— Я вижу, что у неё есть время, — сказала она наконец.

— Не сегодня. Не завтра. Не в этом году. Но не очень много.

Вера кивнула.

— Я тоже это вижу.

— Что будешь делать?

— Не знаю, — сказала Вера. — Пока — кормить её.

— Этого недостаточно.

— Знаю.

Они посидели ещё.

— Скажи мне одну вещь, — попросила Вера.

— Скажу, если знаю.

— Это её отец?

Особая Гостья посмотрела на Веру долго.

— Да.

— Хорошо.

Вера встала, унесла свою чашку на стойку. Помыла. Поставила. Вернулась.

— Я тебе скажу, — сказала Вера. — Я её отдавать не буду.

Особая Гостья посмотрела на неё.

— Я знаю.

Они помолчали. Полкан Ефимыч у Гостьи на коленях вздохнул во сне.

В окне небо наконец потемнело окончательно. Дуб под фонарём стоял мокрый. У вокзала прогудела последняя электричка.

И октябрь продолжался.

Октябрь. Глава третья.

Человек с пирожком

Человек зашёл в кафе в три часа дня, в четверг, через полторы недели после похорон Ивана Сергеевича.

Соня в это время уже ушла из школы и сидела за своим столом — стол она освоила быстро, это был стол Ивана Сергеевича, и Полкан Ефимыч лежал на гостевом стуле напротив, положив подбородок на лапы, и смотрел, как она пишет в тетрадке. У Сони была математика. Соня математику не любила, но писала ровным аккуратным почерком, и Полкан Ефимыч одобрительно жмурился каждый раз, когда она правильно складывала.

Маша протираала стаканы. Тамара Леонидовна сидела в дальнем углу, читала «Доктора Живаго» в десятый раз и ни на кого не смотрела.

Колокольчик звякнул.

Полкан Ефимыч поднял голову.

Это Вера заметила сразу, потому что Полкан Ефимыч за последние две недели голову поднимал три раза: один раз — когда зашла Соня в первый день; второй — когда Особая Гостья пришла во вторник; третий — сейчас.

Она обернулась.

В дверях стоял мужчина лет сорока. Среднего роста, сред-

него сложения, в обычной куртке. Лицо тоже среднее — не запоминающееся. Если бы Вера через час попыталась его описать Журавлёву, она бы сказала «обычный, лет сорок» и больше ничего, и это было бы нечестно по отношению к Журавлёву, потому что мужчина был обычный *слишком* обычный. Так старается выглядеть только тот, чья работа — не запоминаться.

Полкан Ефимыч, не торопясь, прыгнул с гостевого стула, прошёл по залу, не глядя на вошедшего, и ушёл в подсобку. Соня этого, кажется, не заметила.

Маша заметила. Маша Полкана Ефимыча знала.

— Здравсьте, — сказала она вошедшему, и в её «здравсьте» была лёгкая настороженность, которой обычно не бывает.

— Здравствуйте, — сказал мужчина. Голос у него был тоже средний.

Он осмотрел зал. Не быстро, не медленно. Ровно. Зацепился глазами за Соню, скользнул мимо. Остановился на Тамаре Леонидовне. Тамара Леонидовна, не отрываясь от Пастернака, сказала:

— Молодой человек, я тут давно. Меня видели многие.

Мужчина чуть улыбнулся. Прошёл к стойке.

Вера в этот момент уже стояла у кофеварки и что-то с ней делала — поправляла прокладку, или делала вид, что поправляет. Кофеварка шипела довольно. Вера обернулась только когда мужчина встал перед ней.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте. Вы хозяйка?

— Я.

— Вас, кажется, Верой зовут.

— Кажется, да.

Они посмотрели друг на друга секунду. У него были серые глаза. Совсем не злые. Это в Верином опыте был первый признак — по-настоящему злые глаза бывают у тех, кто ещё переживает по поводу своей работы. У этого глаза были спокойные.

— Что желаете? — спросила Вера.

— Кофе. Чёрный. И что у вас есть из выпечки.

— Маковая, творожная, корица. И пирожок с капустой.

— Пирожок с капустой.

— Хороший выбор.

Она налила кофе. Достала пирожок — он был тёплый, с утренней партии, Вера их сама пекла. Положила на тарелку. Принесла к столу, который мужчина уже выбрал — у стены, спиной к стене, лицом ко входу. Профессиональный выбор, заметила Вера; но это и так было ясно.

— Платить сейчас или потом?

— Потом.

— Хорошо.

Она пошла обратно за стойку. Маша смотрела на неё круглыми глазами. Вера слегка покачала головой: всё в порядке.

Маше это в порядок не верилось, но Маша знала, что когда Вера качает головой, лучше не спорить. Маша вернулась

к стаканам.

Тамара Леонидовна подняла глаза от книги, посмотрела на мужчину, посмотрела на Веру, чуть-чуть кивнула — Вере, не ему — и вышла. Тихо, спокойно, оставив на столе деньги под чашкой. Это был знак: Тамара Леонидовна тоже видела. Тамара Леонидовна выходила, когда чувала, что лучше выйти.

Соня писала в тетрадке. Она ничего не заметила, и это было хорошо.

Мужчина пил кофе. Откусил кусочек пирожка. Пожевал. Отпил ещё кофе.

— Очень вкусный пирожок, — сказал он, не повышая голоса, ни к кому конкретно.

— Спасибо, — сказала Вера от стойки. — Я сама пеку.

— Вижу.

Он ел медленно. Вера за это время вытерла стойку, поправила булочки под стеклом, проверила сахарницы. Потом подошла к нему, со своей чашкой чая. Села напротив. Не за стол — на соседний стул, как с женщиной про какао. Боком к нему.

— Машенька, — сказала Вера, не оглядываясь, — ты не сходишь к Соне, помоги ей с математикой? Ты же на фил-факе, ты в математике слабенькая, но в среднем балльном смысле сильнее, чем шестой класс.

Маша поняла. Маша сразу поняла. Маша подошла к Соне, села рядом, сказала: «Соня, давай я с тобой посижу, я се-

годня грустная.» Соня кивнула, подвинула ей тетрадку. Они оказались в дальнем углу, спиной к стойке.

Мужчина это заметил.

— Это разумно, — сказал он Вере.

— У меня тут дети.

— Я вижу.

Они помолчали.

— Вас как зовут? — спросила Вера.

— Какая разница.

— Никакой, — согласилась она. — Просто чтобы было удобнее разговаривать.

— Андрей.

— Андрей. — Вера кивнула. — Андрей, у вас руки трясутся.

Он посмотрел на свои руки. Они немного тряслись. Со всем чуть-чуть, но он сам этого не замечал.

— Это от голода, — сказала Вера. — Или от того, что вы здесь по работе?

Андрей долго на неё смотрел. Потом сказал:

— И то, и другое.

— Когда вы ели?

— Вчера.

— Возьмите ещё пирожок. У меня их много, вечером выкину.

— Спасибо, не надо.

— Андрей. Возьмите пирожок.

Что-то в её голосе было такое, что он встал, пошёл к стойке сам, выбрал ещё один пирожок — на этот раз с яблоком, — взял тарелку и вернулся. Вера за это время не сдвинулась с места.

— Ешьте, — сказала она.

Он стал есть. Ел уже не так медленно. Был, видимо, действительно голодный.

— Кто вас прислал? — спросила Вера буднично, как спрашивают, куда человек едет в отпуск.

Андрей чуть не подавился. Допил кофе, чтобы пирожок прошёл.

— Это, — сказал он, — обычно так не работает.

— Я знаю. Извините. Я устала за месяц, у меня соседа похоронили на той неделе, девочка вот пришла, вы — третий за две недели, кто что-то от меня хочет. Я хочу побыстрее.

Андрей посмотрел на неё ещё дольше, чем в первый раз.

— Вы серьёзно сейчас? — спросил он.

— Серьёзно. Сколько вам обещали?

— Вера.

— Что?

— Я не знаю, как вы устроены.

— Это нормально. Я тоже не до конца знаю.

— Меня предупреждали, что вы странная.

— Кто предупреждал?

Андрей молчал. Доел пирожок. Вытер рот салфеткой — салфетку аккуратно сложил, положил на тарелку, не ком-

кая. Это Вера тоже отметила: профессионал. У профессионалов всегда что-то такое — манеры, которые они не могут отключить. Вилку держат правильно, дверь придерживают, салфетку не комкают.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Мне дали задание через посредника. Я с заказчиком не встречаюсь.

— А посредник кто?

— Тоже посредник.

— Понятно.

Они посидели.

— Мне сказали, — продолжил Андрей, как будто решил-ся, — что вас не возьмёт обычное. И поэтому мне дали вот это.

Он медленно полез во внутренний карман куртки. Вера не пошевелилась. Достал не пистолет — маленькую склян-ку, стеклянную, тёмную, с пробкой. Поставил на стол между ними.

— Что это?

— Мне сказали, что это сработает.

— Сработает в смысле — убьёт меня?

— Да.

— Андрей. Покажите.

Он подвинул склянку к ней. Вера взяла, открыла пробку, понюхала. Закрыла глаза. Понюхала ещё раз. Закрыла обратно.

— Это, — сказала она задумчиво, — настойка из чего-то

очень старого. Я такого запаха давненько не ощущала. Где они это взяли?

— Я не знаю.

— Любопытно.

Она поставила склянку обратно на стол. Сидела, смотрела на неё.

— Андрей, — сказала Вера. — Скажите честно. Вы сегодня собирались мне это в кофе?

— Собирался.

— А почему не подсыпали?

Он подумал.

— Не знаю. Я как-то... не успел. Вы вышли из-за стойки, и я подумал, что лучше после второго пирожка.

— Перфекционист.

— Возможно.

— У меня тоже бывает.

Они опять помолчали.

— Ну хорошо, — сказала Вера. — Давайте так. Вот склянка. Я её сейчас уберу к себе. Вы пирожки доели, кофе попили. С вас триста двадцать рублей.

— Вера.

— Что?

— Меня ждёт человек на улице. Если я выйду без подтверждения, что вы...

— Что я мертва.

— Да.

— А подтверждение какое?

Он замялся.

— Фотография.

— Андрей.

— Что?

— Это всё унизительно. У вас фотоаппарат с собой?

— Телефон.

— Ну хорошо. Сейчас сделаем.

Вера встала. Прошла за стойку. Достала маленькую склян-
ку из-под ванилина, пустую, помыла, налила в неё что-то из
чайника — обычный остывший чай. Закрыла. Подошла об-
ратно.

— Эту склянку, — сказала она, — отдадите тому, кто по-
слал. Скажете, что подсыпали. Я выпила. Я упала. Вы вышли.
Всё.

— А фотография?

Вера легла на пол.

Она легла спокойно, не торопясь, как ложатся в свою по-
стель уставшие после долгого дня люди. На бок. Глаза при-
открыты, но не двигаются. Рот чуть приоткрыт. Она это уме-
ла. У неё на это, как и на многое другое, был большой опыт.

— Снимайте, — сказала она, не двигая губами.

Андрей долго стоял.

Потом достал телефон и сфотографировал.

— Со вспышкой, — сказала Вера, не двигая губами, —
лицо лучше выйдет. У них там, наверное, свет плохой.

Он сделал ещё одну фотографию со вспышкой.

— И с другого ракурса.

Он сделал и с другого.

Вера встала, отряхнула фартук.

— Спасибо. Покажите.

Он показал. Получилось убедительно. Вера на полу выглядела действительно мертво. У неё это получалось с юности, когда пришлось делать впервые.

— Хорошо. Идите.

— Вера.

— Что?

Он положил телефон на стол. Долго смотрел на неё.

— Зачем вы это делаете?

— Что — это?

— Меня отпускаете.

Вера села на стул, на котором только что сидел Андрей. Чашка ещё была тёплая — кружочек снизу не успел остыть.

— Андрей, — сказала она. — Вы голодный. У вас руки трясутся. Вы профессионал, и это видно. И вы с собой принесли склянку, в которой что-то очень старое и страшное. Я не знаю, что у вас за жизнь, но эта склянка означает, что в неё кто-то вложил много времени и денег, и значит, вас ценят, и значит, вам платят, и значит, вы это делаете не первый раз. И всё равно вы голодны со вчера.

Он молчал.

— Поэтому я не думаю, что у вас всё хорошо. И мне жал-

ко.

— Это не аргумент.

— Не аргумент. Просто причина.

Они посмотрели друг на друга.

— Я могу вернуться, — сказал Андрей. — Не сегодня.

Через год.

— Не вернётесь.

— Почему вы так уверены?

— Потому что вы сейчас уйдёте отсюда с фотографией мёртвой женщины и со склянкой, в которой больше нет того, чем меня травили. Тот, кто вас послал, получит подтверждение. Вы получите деньги. И вы исчезнете. Если у вас есть голова — а она у вас есть, — вы исчезнете куда-нибудь, где вас не найдут. И этим закроется ваша история со мной.

— А ваша со мной?

Вера долго думала.

— Закроется, — сказала она. — Если хотите.

— Я хочу.

— Тогда закрылась.

Он кивнул. Потянулся к карману. Вера остановила:

— За пирожки и кофе не платите. Считайте, что вы их у мёртвой женщины украли.

Он улыбнулся — впервые за весь разговор. Улыбка у него была очень человеческая, и Вера это запомнила, хотя обещала себе не запоминать.

— Вера, — сказал он. — Я хотел спросить.

— Спрашивайте.

— А вас правда нельзя?..

— Можно. Просто склянкой не получится.

— А чем?

— А вот этого, — сказала Вера, — никто пока не угадал.

И слава богу.

Андрей кивнул. Подошёл к двери. Обернулся.

— Спасибо за пирожки.

— Заходите ещё.

— Не зайду.

— Тогда удачи.

Он вышел. Колокольчик звякнул как обычно — без энтузиазма.

Вера осталась сидеть. Через минуту в подсобку посмотрел Полкан Ефимыч, оценил обстановку, вышел, прошёл к ней через зал, запрыгнул на стол — на это у него обычно было запрещение, но Вера сегодня не возражала, — и улёгся, положив подбородок на её руку.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера. — Вы видели?

Полкан Ефимыч промолчал.

— Если кто-то ещё придёт — вы мне сразу скажите. Не как сегодня, а раньше. Договорились?

Полкан Ефимыч закрыл глаза. Это был знак согласия.

В углу Соня и Маша всё ещё сидели над тетрадкой. Соня смеялась — тихо, но смеялась — над чем-то, что Маша ей говорила про дробь. Это было редкое зрелище, и Вера на

секунду перестала думать про склянку.

— Машенька, — сказала Вера через зал. — Ты сегодня после смены свободна?

— Да.

— Поужинаешь у меня?

— А что будет?

— Что-нибудь будет.

— Тогда ладно.

Соня посмотрела на Машу, потом на Веру.

— А я могу?

Вера с Машей переглянулись. Маша чуть кивнула.

— А ты можешь, — сказала Вера. — Если папа отпустит.

— Папа сегодня поздно.

— Тогда можешь.

Соня снова склонилась над тетрадкой. Полкан Ефимыч у Веры на руке вздохнул удовлетворённо.

###

Вечером, когда Соню Маша всё-таки отвела домой ровно за десять минут до того, как, по словам Сони, должен был вернуться отец, и Маша тоже ушла, и кафе осталось пустым, — Особая Гостья пришла раньше обычного.

— Я почувствовала, — сказала она с порога.

— Что почувствовала?

— Что меня сегодня могли позвать. И не позвали.

Вера налила ей кофе.

— Не позвали. Я обошлась.

— Расскажи.

Вера рассказала. Про Андрея, про склянку, про фотографию на полу.

Особая Гостья слушала. Когда Вера закончила, помолчала.

— Покажи склянку.

Вера достала. Особая Гостья взяла её в руки. Не открывала. Просто подержала.

— Это старое, — сказала она. — Это из тех вещей, которых не должно быть в обычных руках. Кто-то достал им это за деньги.

— Знающий?

— Слишком знающий. У нас с этим кем-то будет потом разговор.

— А заказчик?

— Заказчик обычный. Самый обычный. От этого хуже. Они посмотрели друг на друга.

— Они меня ищут, — сказала Вера.

— Меня.

Вера кивнула. Это было очевидно с первого дня — ещё с той женщины с какао, ещё со «странного дня» Ивана Сергеевича. С самого начала.

— Что мне делать со склянкой?

— Не выливай. Это нельзя выливать в землю. Дай мне.

Вера дала. Особая Гостья опустила склянку в карман пальто.

— Я её отнесу туда, где она перестанет быть.

— Спасибо.

— Это моя работа.

— Это в этот раз твоя работа.

Особая Гостья посмотрела на неё долгим взглядом. И — впервые, и Вера это отметила, — улыбнулась. Не глазами, как всегда, а губами. Чуть-чуть.

— В этот раз — моя.

Они сидели до позднего вечера. Полкан Ефимыч устроился у Гостьи на коленях. Дуб за окном стоял жёлтый и мокрый. Где-то в городке, в третьем подъезде по улице Гагарина, в девятой квартире, Соня делала уроки, а её отец сидел на кухне и пил, и не знал, что в этот вечер у девочки появилось место, в котором её ждут.

И октябрь продолжался.

Ноябрь. Глава четвёртая. Что Соня сказала Полкану Ефимычу

В ноябре светало позже.

Это было первое, что заметила Вера — в начале месяца, открыв кафе утром в семь тридцать, она зажгла фонарь над дверью, потому что без фонаря дуб стоял в темноте как чёрный столб, без формы. С фонарём — был дубом. Жёлтых листьев на нём почти не осталось, последние лежали под ногами и постепенно становились коричневыми, потом серыми, потом землёй.

Сегодня, седьмого ноября, шёл первый снег.

Не настоящий — мокрый, нерешительный, такой, который к обеду растает и никто его не вспомнит. Но всё-таки снег. Полкан Ефимыч это понял раньше, чем Вера: он сегодня не пошёл на свой утренний обход коридора (у него был обход, два раза в день, по часам), а остался на стуле под пледом, вытянув одну лапу из-под ткани, как старичок из-под одеяла.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера, проходя мимо. — Вы манкируете.

Полкан Ефимыч закрыл глаза, чтобы Вера ушла.

В восемь пятнадцать стул Ивана Сергеевича был пуст, как был пуст уже месяц. Маковая булочка из левого ряда лежа-

ла под колпаком стекла. Вера по привычке её клала каждое утро. Никто её не покупал. Вечером Вера её отдавала Полкану Ефимычу или выбрасывала — это зависело от настроения Полкана Ефимыча.

Иван Сергеевич, конечно, не видел этого ритуала и не мог увидеть. Но Вера не считала, что её работа — делать только то, что кто-то увидит. Иначе бы она бросила её давным-давно.

В восемь двадцать две зашла Маша.

— Доброе.

— Доброе, Машенька.

Маша сегодня была не в наушниках. Это случилось редко — обычно она входила в кафе под музыку и снимала наушники только ближе к девяти, когда первая волна спадала. Сейчас она их не надела с порога.

Вера это отметила и не стала спрашивать. У Маши был свой темп — если ей нужно было что-то сказать, она говорила; если нет, не нужно было её тянуть.

Маша разделась, повесила куртку, надела фартук, завязала волосы. Подошла к стойке.

— Вер.

— Что, Машенька.

— Мне сегодня ночью звонили. Часа в два. С незнакомого номера.

Вера не торопилась.

— И что сказали?

— Мужчина. Спросил, работаю ли я в «Под дубом». Я сказала «да». Он сказал «спасибо», положил трубку.

— Спасибо?

— Просто «спасибо». Голос вежливый. Не пьяный, не злой, ничего такого. Просто проверял.

Вера молчала. Помешала ложечкой в своей чашке. Кофе в чашке был уже холодный — Вера налила его в семь тридцать и забыла выпить, как обычно.

— Машенька, — сказала Вера. — Запиши номер.

— Я записала.

— Покажи.

Маша показала. Вера посмотрела, кивнула, как кивают на номер, который ничего не сообщает: восемь, девять, восемь, не московский, не питерский, никакой. Симка одноразовая, скорее всего.

— Если ещё позвонит — не отвечай. Если будут спрашивать через интернет, через знакомых — ничего не говори. Если кто-то будет тебя ждать у дома — звони сразу Журавлёву. Записывай его номер на всякий случай.

— У меня есть.

— Запиши ещё раз.

Маша записала. Вера записала свой собственный — на отдельном листочке. Маша взяла оба, сунула в задний карман.

— Что это, Вер?

Вера посмотрела на неё. Машу нельзя было обмануть до конца. Маша хоть и была двадцати лет от роду, но в двадцать

уже понимают, что в мире что-то происходит, и понимают, когда взрослые пытаются от тебя отделаться.

— Это, Машенька, у нас тут одна ситуация в фоне. Я тебе её всю не расскажу, потому что если расскажу — ты в ней окажешься, а тебе это не нужно. Ты пока сделай так, как я сказала, и не думай про это много. Если что-то будет — я тебя предупрежу первой.

Маша кивнула. Не настаивала. Это её и спасало в жизни — она знала, когда не нужно настаивать.

К девяти утренняя волна схлынула — последние на московскую электричку взяли свои капучино и убежали, и в зале стало тихо. В девять зашла Тамара Леонидовна, с книгой, без слов, в свой угол. Тамара Леонидовна сегодня читала Шаламова, Вера это увидела по корешку. Шаламова Тамара Леонидовна читала, когда у неё внутри было тихое горе, которое не хотелось называть. Вера налила ей чай чуть крепче обычного и принесла к столу.

— Тамара Леонидовна.

— Вера, спасибо.

И всё.

В одиннадцать с чем-то у дуба остановилась машина. Вера её увидела — большая, чёрная, не местная. Из неё вышел мужчина в пальто, постоял у дуба, посмотрел на кафе, не зашёл, сел обратно в машину и уехал.

Вера подошла к окну, посмотрела вслед. Полкан Ефимыч с своего стула чуть поднял голову — не вставая, для эконо-

мии — и тоже посмотрел.

— Ну вот, — сказала Вера ему. — Это уже не наёмники.

Полкан Ефимыч прижал уши на полсекунды и опустил их обратно. Это означало: я понял, я в курсе, не надо мне объяснять.

Ничего больше не произошло. Машина уехала в сторону Москвы. Вера подумала и не стала звонить Журавлёву — Журавлёв не любил, когда ему звонят без конкретики, и потом он сам зайдёт на обед.

В половине первого вернулась Маша из подсобки — относила мусор. Сказала, садясь у стойки:

— Вер, у меня вопрос.

— Что.

— Та женщина.

— Какая.

— Которой я возила в прошлый вторник. На улицу Лермонтова.

Вера налила Маше чай.

— Что с ней?

— Она не там больше живёт.

— Откуда знаешь?

— Сегодня по дороге проходила мимо. У её подъезда стоял мужчина и звонил в её квартиру. Долго звонил. Я не подходила, я с другой стороны улицы шла. Просто смотрела. Он постоял, ушёл. А я зашла в подъезд, посмотрела на двери — у неё другая дверь теперь. Старая дверь была белая, новая

металлическая. Значит, переехала, и быстро.

Вера слушала.

— Я её спросила, когда её последний раз видела. Где она теперь. Она сказала «не у вас в районе». Так и сказала — «не у вас в районе». Я её больше не спрашивала. Она дала мне адрес для сегодняшней доставки — другой совсем, на Гоголя. Но Вер.

— Что, Машенька.

— Я думаю, это связано с тем звонком. Который мне был ночью.

Вера долго смотрела на Машу.

— Машенька, — сказала Вера. — Ты сегодня доставку не повезёшь.

— Почему?

— Я повезу.

— Вы же занятая.

— Я повезу.

Маша поняла. Не обиделась. Сняла фартук, помогла Вере собрать заказ — чай Веры в термосе, два пирожка с капустой, маленький кулёк с печеньем. Вера всё положила в обычный пакет с логотипом «Под дубом», добавила чек, вышла.

— Маша, — сказала на пороге. — Я скоро вернусь. Если кто-то зайдёт и будет меня спрашивать — отвечай как обычно. Я хозяйка, ты тут работаешь, я уехала по делам, когда буду — не знаешь. Если начнут лезть с другими вопросами

— иди в подсобку, скажешь, что нужно отдать заказ, и звонишь Журавлёву. Не мне — Журавлёву. У него номер запиши прямо сейчас.

— Поняла.

— Если будет страшно — тоже Журавлёву, не геройствуй.

— Поняла.

— Полкан Ефимыч за тобой присмотрит.

Маша слабо улыбнулась. Полкан Ефимыч с своего стула посмотрел на неё взглядом, в котором было всё, что нужно: понимание, готовность, чуть-чуть скуки. Он работал.

Вера ушла.

##

Соня пришла в кафе в три двадцать, как всегда. Маша поставила перед ней какао и кусок коричной булочки, как ставила Вера. Соня кивнула и села на свой стул — стул Ивана Сергеевича.

Полкан Ефимыч был единственный, кто сегодня изменил привычку: вместо того, чтобы лечь напротив на гостевой стул, он встал, прошёл по полу к Соне и запрыгнул ей на колени. Соня замерла. Полкан Ефимыч устроился, повернулся, и положил свою рыжую голову на её рукав.

Маша на это посмотрела через стойку и не комментировала.

Соня сидела, не двигаясь, потому что Полкан Ефимыч у неё на коленях значил больше, чем все взрослые слова дня. Через десять минут она протянула одну руку, очень осторожно, и положила ему на спину. Полкан Ефимыч начал мурлыкать — тихо, в горле, — и Соня закрыла глаза.

Маша мыла стаканы и наблюдала.

Через какое-то время — она потом точно не вспомнит, минут через двадцать или сорок — Соня заговорила.

Голос у неё был тихий-тихий, такой, что Маша его сначала не слышала, а потом слышала и замерла со стаканом в руке.

— Ну, — сказала Соня Полкану Ефимычу, — ты же ви-

дел.

Полкан Ефимыч продолжал мурлыкать.

— Ты же был. Когда мама ушла. Ты же был на дереве, я тебя видела. На дубе. Я сидела вот тут на земле, когда они ругались, и я смотрела наверх, и ты был на самой верхней ветке. Я тебя помню. У тебя такая же морда.

Маша поставила стакан очень тихо. Полкан Ефимыч мурлыкал.

— Ты тогда не пришёл ко мне. Ты сидел и просто смотрел. И я думала, что меня никто не видит, что нас никто не видит, а ты видел.

Соня помолчала.

— Папа сказал, что мама ушла. Он сказал ей — собери вещи. Она собирала. Я слышала. Они в доме, я во дворе. Я не хотела заходить. Я сидела на земле у крыльца и смотрела на тебя на дубе. А потом мама из дома кричала. А потом тихо. А потом папа вышел один. И сказал «ушла». А мама не вышла.

Полкан Ефимыч мурлыкал.

— Я подумала, что ты ушёл с мамой. Я не видела, чтобы ты слез с дуба. Я три дня тебя искала — может, ты на той же ветке. Тебя не было. Я думала, ты с мамой ушёл, что ты её повёл куда-то.

Долгая пауза.

— А ты тут.

Полкан Ефимыч поднял голову, посмотрел Соне в лицо,

потом снова положил голову ей на руку.

— Ты тут, — повторила Соня. — А мама — нет.

Маша стояла за стойкой и не двигалась. Она поняла, что не должна сейчас попасть в Сонино поле зрения, что сейчас вообще ничего нельзя — не двигаться, не дышать. Она замерла, как замирают перед птицей, чтобы птица не улетела.

Соня молчала минут пять. Гладила Полкана Ефимыча. Смотрела в окно.

— Я не говорила это никому, — сказала она наконец, тихо. — Потому что папа сказал «никому». Папа сказал, что если я кому-то скажу, мама не вернётся. А я вот тебе сказала. Ты же не скажешь?

Полкан Ефимыч не ответил, потому что коты не лгут и не подтверждают пустых обещаний.

— Я думаю, — сказала Соня, — что мама уже не вернётся.

И тут она впервые за всё время заплакала. Не громко. Просто из глаз потекло, и она это не вытирала, и слёзы падали на Полкана Ефимыча, на его рыжую шерсть, и он не двинулся, потому что у него на это в его собственном кошачьем справочнике было правило: если ребёнок плачет, не двигайся.

Маша на стойке тихо плакала тоже, беззвучно, потому что было нельзя.

Через какое-то время Соня перестала. Вытерла лицо рукавом. Доела свою булочку. Открыла учебник и стала делать математику.

Полкан Ефимыч остался у неё на коленях ещё час.

##

Когда Вера вернулась в шесть с чем-то — снег уже растаял, было темно, в окнах кафе горел жёлтый свет — Маша подошла к ней и тихо сказала:

— Вер. Соня сегодня говорила.

— С тобой?

— С Полканом Ефимычем. Я слышала.

Вера сняла куртку, повесила, повернулась к Маше.

— Что говорила?

Маша рассказала. Очень коротко, без украшений, почти точными словами Сони. У Маши была эта способность — когда нужно, рассказывать без отсебятины.

Вера слушала. Когда Маша закончила, Вера долго молчала.

— Спасибо, Машенька. Что услышала и не помешала.

— Я не знала, что делать.

— Ты сделала правильно. Идеально.

Маша кивнула.

— Вер.

— Что.

— Папа что-то сделал с её мамой, да.

— Да.

— Что нам делать?

Вера села на стул. Полкан Ефимыч с своего стула посмот-

рел на неё.

— Нам, Машенька, ничего особенного не нужно. Просто сделать, чтобы она у нас бывала. Ела. Уроки делала. Спала иногда. Дальше — посмотрим.

— И всё?

— И всё. Это уже много.

— А если папа что-нибудь сделает?

Вера подумала.

— Если папа что-нибудь сделает — у Журавлёва будет за что зацепиться. До тех пор — мы тут. Ты ей завтра скажи: если родители не возражают, может оставаться у нас подольше. Уроки тут делать. Ужинать. Я не лезу в чужие семьи — я просто говорю, что у меня есть угол.

— А если возражают?

— Машенька, — сказала Вера. — Не возражают.

Маша посмотрела на Веру.

— Вер.

— Что.

— Вы хороший человек.

Вера тихо засмеялась. Засмеялась, как смеются люди, которым только что сказали что-то слишком простое для их ситуации.

— Машенька, я просто забочусь о постоянных посетителях.

И пошла за стойку.

##

Особая Гостья пришла поздно — около десяти, когда Маша уже ушла домой, и Соня уже была дома (Маша её отвела в обычное время и вернулась), и в кафе горела одна лампа над стойкой.

— У меня к тебе вопрос, — сказала Гостья, сев за свой стол.

Вера принесла ей кофе. Чашка после первой гостьиной встречи с ней становилась холодной не сразу — успевала несколько секунд побыть тёплой. Сегодня Вера почему-то это отметила.

Гостья посмотрела на её чашку.

— А ты сегодня сколько уже выпила?

— Третью.

— Вер. От большого количества кофе можно и помереть. Я знаю случаи.

— Ты их сама и забирала?

— Лично.

Они мельком улыбнулись друг другу. Это была их старая шутка.

— Спрашивай.

— Соня. Её мама.

— Что.

— Она у тебя, я знаю.

Вера посмотрела на Гостью.

— Когда?

— Год назад. Ноябрь, кажется. Семнадцатое.

Вера кивнула. Семнадцатое ноября — день, который Соня в кафе никак не отмечала, потому что ещё не знала.

— Сама?

— Нет.

Они помолчали.

— Больше ничего не скажу, — сказала Гостья. — Ты знаешь, я не за этим.

— Знаю.

Вера молчала. Кофе остывал.

И они сидели до полуночи, не торопясь и почти не разговаривая, и Полкан Ефимыч спал у Гостьи на коленях, и в окне был ноябрь, и за окном в темноте стоял старый дуб, который год назад с самой верхней ветки видел всё.

И ноябрь продолжался.

Ноябрь. Глава пятая.

Эдуард Михайлович

Эдуард Михайлович появлялся в кафе раз в две недели. Сегодня прошло две.

Вера это поняла, увидев чёрный «Мерседес», который остановился у дуба в одиннадцать сорок пять — Эдуард Михайлович всегда приезжал перед обедом, потому что у него была стратегия: после разговора с Верой он шёл обедать, и ему важно было ей это показать. Чтобы она понимала, что у него будут другие важные дела.

— Машенька. Эдуард Михайлович приехал.

Маша подняла глаза от стаканов, посмотрела в окно.

— Опять?

— Опять.

— Я в подсобку?

— Сделай ему американо, потом — да, в подсобку. Я сама с ним разберусь.

— А может, я останусь?

— Нет.

— Почему?

Вера помолчала.

— Потому что он на тебя смотреть не будет, Машенька. Для него ты — мебель. А я не люблю, когда на тебя так смот-

рят.

Маша на это слегка улыбнулась, потом снова стала серьёзной.

— Он плохой?

— Не плохой. Другой. Этот мужчина ничего у тебя не отнимет — он у тебя купит. И если ты не будешь продавать, он будет повышать цену, пока тебе не станет страшно. От страха люди продают всё подряд — это его метод.

— Поэтому вы его и не любите.

— Поэтому, Машенька, я с ним сама. Иди.

Дверь открылась. Эдуард Михайлович вошёл — высокий, ровный, в кашемировом пальто цвета мокрого асфальта. Снял пальто, повесил на крючок не глядя, как вешают пальто там, где его поймают, если оно упадёт. Прошёл к стойке. У него была походка человека, которому никогда не приходится никого пропускать.

— Вера. Доброе утро.

— Эдуард Михайлович.

— Уже не утро, конечно. Но я в дороге с семи.

— Кофе?

— Американо. И что у вас сегодня съедобного.

— Пирог с яблоками. Тёплый.

— Дайте.

Маша всё это уже сделала, пока Эдуард Михайлович здоровался. Поставила американо и тарелку на стойку, отошла. Эдуард Михайлович её не заметил — Маша для него была

мебелью кафе, как стул или кофеварка.

— Сколько?

— Пятьсот.

— Пятьсот. Хорошо.

Он положил тысячную купюру.

— Сдачи не нужно.

— Эдуард Михайлович, я же вас просила.

— Что просила?

— Не давать мне на чай по пятьсот рублей за пирог. Это у вас не «на чай», это вы мне зарплату повышаете. Я зарплату себе сама плачу.

Эдуард Михайлович тонко улыбнулся.

— Вера, у меня к вам вообще есть вопрос про зарплату.

— У меня тоже к вам есть вопрос.

— Какой?

— Какого чёрта вы опять приехали.

Он посмеялся. У Эдуарда Михайловича был хороший, ровный смех — такой, как бывает у людей, которые в жизни мало смеются всерьёз и поэтому смех у них не разболтан. Полкан Ефимыч на стуле не открыл глаз. Полкан Ефимыч был с Эдуардом Михайловичем знаком уже несколько лет и считал его не угрозой, а **скукой**, что для Полкана Ефимыча было хуже.

— Вера, — сказал Эдуард Михайлович, садясь у стойки на барный табурет. — Я вам сегодня сделаю предложение, от которого вы откажетесь, как обычно. Это нормально, я

к этому привык. Но я всё-таки сделаю, потому что цифры выросли с прошлого раза.

— Я слушаю.

— Пятьдесят миллионов.

Вера протёрла стойку — она была уже чистая, но Вера её протёрла ещё раз.

— За что?

— За кафе. С землёй. С дубом. С вывеской. Всё ваше. Я даю пятьдесят.

— А Полкан Ефимыч?

— Полкан Ефимыч ваш. С котом я не работаю.

— И на что я буду жить?

— Вера, — сказал Эдуард Михайлович. — Вы профессионал. Я не сомневаюсь, что вы откроете другое кафе в другом месте. С пятьюдесятью миллионами в кармане.

— А зачем вам это кафе?

— Я же объяснял. Мне нравится атмосфера.

— Вы её хотите купить, атмосферу?

— Я хочу, чтобы атмосфера была моя.

Вера посмотрела на него.

— Эдуард Михайлович, — сказала она. — Атмосферу нельзя купить. Это знают все, кто разбирается. Можно купить здание, в котором эта атмосфера сейчас есть. Но к вам она не перейдёт. Когда вы купите кафе — это будет уже другое кафе. С вашей атмосферой.

— И что у меня с атмосферой?

— У вас её нет. У вас её нет, потому что вы скучаете уже двадцать лет, и поэтому ездите ко мне, и поэтому повышаете цены, и поэтому делаете вид, что вам нужно кафе. Вам не нужно кафе. Вам нужно, чтобы я с вами разговаривала.

Эдуард Михайлович помолчал.

— Вера.

— Что.

— Иногда вы говорите неприятные вещи.

— Я знаю. Извините. Но вы за это и приезжаете.

Он отпил кофе.

— Шестьдесят миллионов.

— Эдуард Михайлович.

— Что.

— Вам не приходило в голову, что у меня нет цены, потому что я не продаю?

— Цена есть у всего.

— У всего — есть. У меня — нет. Это редкое свойство, Эдуард Михайлович, и в вашем мире, я понимаю, его не бывает. Поэтому вы не можете в него поверить и приезжаете снова.

Он опустил чашку.

— Вы опять хотите со мной поссориться.

— Не очень. Просто хочу, чтобы вы сегодня уехали и не ездили хотя бы три недели. У меня тут ноябрь, у меня девочка плачет, у меня кот не в духе. Мне с вами некогда.

Эдуард Михайлович посмотрел на Полкана Ефимыча.

Полкан Ефимыч продолжал не открывать глаз. Это было максимальное отрицание, на которое Полкан Ефимыч был способен.

— Какая девочка плачет?

— Это вас не касается.

— Плохая ситуация?

— Это вас не касается, Эдуард Михайлович.

— Вера, я могу помочь.

— Эдуард Михайлович.

— Что?

— Вот сейчас вы сделали интересную вещь. Вы предложили мне помощь. Не услуга за услугу — просто предложили помощь. Это в вас живой человек шевельнулся. Он у вас под пальто кашемировым лежит, давно не выходил, и иногда вылезает на пять секунд и говорит «я могу помочь». Послушайте его сейчас. Ему интересно.

Эдуард Михайлович посмотрел на неё.

— И что он мне говорит?

— Он вам говорит, что у меня девочка плачет, и что у вас есть деньги и связи, и что вы могли бы что-то сделать, и что на этом вы не заработаете и кафе моё не купите. Он вам говорит «делай, не считая».

— Вера.

— Что.

— Это шантаж?

— Это, Эдуард Михайлович, не шантаж. Это диагноз. Вы

много лет сидите у этой стойки. Каждый раз делаете предложение. Каждый раз я отказываю. Вы каждый раз уезжаете и думаете, что я тяну время. А я вам каждый раз пытаюсь объяснить, что я отказываю **навсегда**. Просто сегодня я попробую объяснить через другой угол.

Он молчал.

— Вы мне нравитесь как собеседница, — сказал он наконец.

— Я это знаю.

— Я бы с вами ужинал.

— Я с вами ужинать не буду.

— Я бы вас на яхту...

— На яхту тоже не поеду.

— Вы упрямая.

— Я триста, — сказала Вера, и осеклась, не закончив. Подумала секунду, потом всё-таки закончила, потому что Эдуард Михайлович всё равно бы пропустил мимо ушей: — Я тристапудово упрямая.

— Что-что вы упрямая?

— Тристапудово. Это народное.

— Не слышал.

— Подмосковное. Вы из Москвы, у вас своё.

Эдуард Михайлович допил американо.

— Семьдесят миллионов.

Вера вздохнула.

— Эдуард Михайлович. У меня к вам встречное предло-

жение.

— Слушаю.

— Вы сейчас уйдёте. Не вернётесь до января. В январе придёте, когда у меня станет тише. Будем сидеть, говорить про погоду, про какие-нибудь новости, про то, что вы скучаете. Без предложений. Просто как человек к человеку. И если за два часа разговора вы ни разу не предложите мне продать кафе, я вам подарю одну вещь.

— Какую?

— Я не скажу заранее. Подарю.

Эдуард Михайлович смотрел на неё долго. Это был тот случай, когда Вера видела в нём то, что было до денег: молодого человека, лет двадцати, неловкого, не уверенного, ищущего одобрения. Это бывало в нём редко. Это и был тот живой человек под кашемиром.

— Вера. Это эксперимент?

— Это, Эдуард Михайлович, последний шанс. Я больше не буду вам отвечать на ваши предложения купить кафе. Я их буду пропускать мимо ушей. Хотите со мной общаться — общайтесь как человек. Не хотите — ну тогда не приезжайте, мы прекрасно проживём.

— Это жёстко.

— Я знаю.

— Я подумаю.

— Думайте до января.

Он встал, надел пальто, остановился у двери.

— Вера.

— Что.

— Что бы вы мне подарили?

— Я не скажу, потому что это испортит подарок. Но скажу одно: это будет дороже всего, что у вас есть.

— Дороже?

— Дороже. У вас многое есть. А этой вещи — нет.

Он постоял. Потом кивнул.

— До января.

— До января, Эдуард Михайлович. Берегите себя. И послушайте этого молодого, который у вас под пальто. Иногда.

Он вышел. Маша через минуту вышла из подсобки.

— Что было?

— Ничего, Машенька. Дай мне успокоительного и плед, я пять минут полежу.

— Серьёзно?

— Не серьёзно. Чаю с мёдом налей.

Маша налила. Вера села на стул, обхватила чашку обеими руками.

— Машенька. Если в январе вернётся — он другой будет.

— Какой?

— Не знаю. Может быть, обычный. Может быть, чуть-чуть человеком. А может, и не вернётся вовсе. Это нормально. Я тут не его душу спасаю. Я его просто двигала с моей стойки.

Маша помолчала.

— Что бы вы ему подарили?

— Подарила бы, Машенька, **разрешение на одно нормальное чувство**. Один разговор без расчёта. Мужчинам этого склада никто никогда такого разрешения не давал. Им вокруг кажется, что всё, что не сделка, — это глупость. А они уставшие, и им хочется, чтобы кто-то с ними поговорил, не считая в уме рублей.

— Это правда дорого?

— Это, Машенька, очень дорого. Это дороже семидесяти миллионов. Не каждый знает, как.

##

В пять часов, перед тем как Соня должна была прийти, в кафе зашёл курьер.

Вера на секунду напряглась — но это был обычный курьер, в синей куртке какой-то службы, с пакетом.

— «Под дубом»? Кафе? Это вам.

— Что?

— Я не знаю, мне передали.

Внутри пакета — букет. Не очень большой, аккуратный, дорогой. Розы и лилии.

И открытка. Распечатанная, не от руки.

«Хозяйке. Передайте моей жене, что я её жду и прощаю. С уважением.»

Без подписи. Без обратного адреса на пакете.

Курьер уже ушёл.

Вера стояла с букетом в руках секунд двадцать. Потом отнесла его на улицу, к мусорному контейнеру за кафе, и положила сверху, не в контейнер — она так и не решила. На белом цветке на верху букета сразу осел мокрый снег. Через час их кто-нибудь возьмёт — соседская бабка, или мужик с вокзала, или собака утащит. Веры это не касалось.

Открытку она вернула в кафе. Положила в ящик под стойкой, в стопку с забытыми платками. Платков там было сорок один. Открыток теперь — две.

Маша спросила:

— Что это было?

— Не сейчас, Машенька. Возьми книгу, почитай за стойкой. Я тебе потом расскажу, что нужно знать.

— Хорошо.

Маша достала из рюкзака книгу — какой-то учебник по теории литературы — и устроилась читать. Полкан Ефимыч с своего стула посмотрел на Веру взглядом, в котором было «я понял, я в курсе, не надо мне объяснять». Это был его универсальный взгляд для серьёзных вечеров.

Соня пришла в три двадцать. Села, как всегда, на стул Ивана Сергеевича. Полкан Ефимыч сегодня тоже сразу к ней, на колени, как вчера. Соня его погладила, открыла учебник.

Сегодня она не разговаривала. Сегодня она просто делала математику, и Полкан Ефимыч мурлыкал. Но Вера видела: после вчерашнего что-то изменилось — Соня держалась на стуле прямее. Маленькая разница, но она была.

В четыре зашла Тамара Леонидовна. Прошла мимо стойки, остановилась, посмотрела на Веру.

— Вера.

— Да, Тамара Леонидовна.

Тамара Леонидовна не сказала ничего. Просто положила руку на плечо Веры, на секунду, и пошла в свой угол.

Вера посмотрела ей вслед. Тамара Леонидовна за десять лет ни разу не дотрагивалась до Веры.

— Что-то она знает, Машенька, — сказала Вера тихо.

— Она всегда что-то знает.

— Это правда.

Полкан Ефимыч на коленях у Сони лениво махнул хвостом, в знак согласия.

##

Особая Гостья сегодня не пришла. Это случилось — у неё бывали недели, когда работа в каком-то месте занимала её целиком. Вера привыкла. Закрыла кафе в девять. Маша к этому времени уже ушла домой.

Вера поднялась к себе наверх, в маленькую комнатку, в которой жила. Достала из ящика обе открытки. Положила на стол под лампу.

Первая, та, что пришла сегодня, лежала бок о бок с **первой**, от того же — той, что пришла в октябре с букетом, который Вера тогда тоже выбросила. Тексты были разные, почерк — один. Не от руки. Принтер, один и тот же шрифт. Этот человек не утруждал себя писать сам.

Это было показательно. Такие, как он, обычно любят форму — медленно, с нажимом, чернилами. А этот пользовался секретаршей или принтером. У него внутри что-то расшаталось.

Полкан Ефимыч поднялся по лестнице — он умел подниматься, когда хотел, — устроился на подушке рядом и посмотрел на стол.

— Полкан Ефимыч, — сказала Вера. — Этот мужик нас всех будет долго мучить.

Полкан Ефимыч прищурился. Это означало: я знаю.

Вера сложила обе открытки, убрала в ящик. Свет погаси-

ла.

И ноябрь продолжался.

Ноябрь продолжался.

Ноябрь. Глава шестая. Овсянка

В последнюю пятницу ноября Соня не пошла домой.

Это случилось без объявления и без сцены. Просто в восемь вечера, когда Маша должна была отвести её до подъезда (так бывало в Машины смены: Соня шла впереди, Маша на пять метров сзади, Маша делала вид, что это случайность, Соня делала вид, что не замечает), Соня посмотрела в окно — там уже было темно, и моросило, и фонарь у дуба гудел желтее обычного, — и сказала Маше:

— Можно я тут останусь?

— В смысле?

— В кафе.

Маша посмотрела на неё. Потом на Веру.

Вера была у стойки, протирала чашки. Услышала, не обернулась. Сказала:

— Соня, наверху есть свободная комната. Маленькая, с одним окном. Кровать застелена, я на той неделе постельное поменяла. Если хочешь, поднимайся, посмотри.

— Спасибо.

— Папа сегодня поздно?

— Он со среды дома не был.

Вера на секунду перестала протирать чашку. Потом продолжила.

— Тогда поднимайся. Я тебя утром не разбуду — суббота,

спи сколько хочешь.

— Хорошо.

Соня надела рюкзак, медленно, как надевают что-то новое и тяжёлое. Пошла к лестнице — лестница была за стойкой, в подсобке, узкая, с одной голой лампочкой. Полкан Ефимыч встал со стула и пошёл за ней. Это означало: я тебя провожу до места, а потом, может, посплю там.

Маша стояла, не зная, что делать.

— Вер.

— Что, Машенька.

— Это нормально?

— Что нормально?

— Что она у вас остаётся.

Вера посмотрела на неё.

— Машенька. У ребёнка папа дома не был три дня. Где ей нормально?

Маша подумала.

— Понятно. А папа?

— А папа, я думаю, не заметит. Если заметит — мы что-нибудь придумаем. А пока — пусть спит у нас, там тепло.

— А у вас наверху как?

— Наверху, Машенька, у меня одна комната моя, одна комната свободная. Ванная, туалет, маленькая кладовая. Я там и живу. У меня давненько никто не оставался. Кроме Полкана Ефимыча.

— А Полкан Ефимыч у вас в которой?

— А Полкан Ефимыч сам решает.

Маша слабо улыбнулась.

— Я тогда пойду.

— Иди. До завтра.

Маша оделась, накинула капюшон, ушла. Вера закрыла за ней дверь, повернула табличку на «Закрыто», выключила вывеску. Неон погас.

Подошла к окну, посмотрела на дуб. Дуб стоял тёмный и пустой — листьев почти не осталось, они все лежали на асфальте, мокрые, чёрные. Декабрь начнётся в понедельник, подумала Вера. Что-то будет.

Поднялась наверх.

Наверху был коридор — короткий, с тёплыми деревянными стенами, обшитыми старой вагонкой ещё в советское время и за столько лет потемневшей до медового оттенка. Стены пахли деревом, чуть-чуть кофе из кафе внизу, и ещё чем-то неуловимым — может быть, корицей, потому что Вера хранила корицу в маленькой банке на кухонной полке, и банка иногда была неплотно закрыта.

В коридоре висела одна лампа под жёлтым абажуром, и в этом свете всё казалось чуть теплее, чем было на самом деле.

Полкан Ефимыч сидел у двери в свободную комнату. Дверь была приоткрыта. Внутри тихо.

Вера прошла мимо, в свою комнату. Из шкафа достала плед — большой, тяжёлый, шерстяной, бабушкин. Точнее, *чьей-то* бабушки — Вера его получила в восьмидесятые от

Серафимы, тогда ещё совсем молодой аспирантки-фармаколога, которая позже стала профессором Серафимой Андреевной. Плед был старше Серафимы и до неё был ещё чей-то. Тёплый, тяжёлый, пах сухой лавандой — Вера в него зимой клала мешочек, чтобы моль не лезла, и лаванда так за десятилетия в шерсть и въелась.

Достала ещё одну вещь — маленькую плюшевую собаку, рыжую с чёрным носом. Игрушка лежала у Веры в шкафу неизвестно сколько лет; принесла её когда-то одна посетительница, забыла, и не вернулась. Собака не была никому нужна, но и выкидывать было жалко. Сегодня, как оказалось, она ждала своего часа.

С пледом и собакой Вера пошла в свободную комнату.

Свободная комната у Веры была маленькая, метров десять. Обои на стенах — старенькие, в маленький розовый цветочек, выцветшие до почти серого. Кровать у стены, узкая, односпальная, с деревянным изголовьем. Над кроватью — полочка с тремя книгами, которые когда-то здесь оставила Маша и забрать забыла. Окно с белой занавеской. Старый комод. Один торшер с абажуром в форме ромашки. И всё.

Вера всегда считала, что комната пустоватая. Сегодня впервые подумала, что, может быть, не пустоватая, а *ждущая*.

Соня сидела на краю кровати, в куртке, с рюкзаком на полу. Не разделась. Просто сидела и смотрела в окно. В окне виднелся кусок крыши соседнего дома и небо, которое в но-

ябре в восемь вечера уже было ночным.

— Соня.

— Да.

— Куртку сними. Тут тепло.

— Я сейчас.

Вера положила плед в ноги кровати, аккуратно. Плюшевую собаку посадила на подушку — не в центр, а чуть сбоку, так, как сажают игрушки те, кто помнит, что в детстве у игрушек должно быть своё место.

Соня посмотрела на собаку.

— Это кому?

— Тебе. Если хочешь.

— Откуда?

— Лежала у меня в шкафу. Кто-то её здесь оставил давно, я не помню кто. Я её хранила — думала, кому-нибудь пригодится. Вот, кажется, пригодилась.

Соня осторожно дотронулась до собаки, как трогают что-то хрупкое.

— Как её зовут?

— Никак. Никто не успел придумать.

— Можно я придумаю?

— Можно.

— Я подумаю.

— Думай.

Вера села на стул напротив кровати — в комнате был один стул, у окна, на нём раньше лежали Машины забытые вещи.

Сейчас Вера их убрала.

— Соня. Завтра суббота, в школу не надо. Я открываюсь в полвосьмого, могу тебе завтрак сделать. Или ты сама — если рано встанешь.

— Я могу сама.

— Хорошо. Кухня внизу, в кафе. Спускайся через подсобку — лестница та же. На полке слева, в синих банках, — хлопья, овсянка, сахар. Молоко и масло в холодильнике. Бери что хочешь, ничего не спрашивай. Свет в кафе включается у двери в подсобку, выключатель снизу.

— Хорошо.

Соня помолчала. Потом сказала тише:

— Я раньше маме завтрак делала.

— Я думаю, ты хорошо это умеешь.

— Я не знаю, хорошо или нет, но маме нравилось, как я готовлю.

— Это и есть хорошо.

Соня снова замолчала. Сняла куртку — наконец, — и Вера увидела то, что подозревала уже месяц: рукава кофты, надетой под куртку, были коротки. Сильно. Запястья торчали голые, серые, тонкие. Кофта была летняя, тонкая, явно не по сезону.

И джинсы тоже короткие. И носки разные.

Вера не подала виду. Только подумала, что у Сони завтра выходной и неплохо бы попросить Машу выйти на дополнительную смену.

— Плед видишь? — сказала она вслух. — Тяжёлый, шерстяной, под ним очень тепло, иногда даже жарко. Если будет жарко, скинь.

— Поняла.

— Ванная справа от лестницы. Там зубная щётка в коробочке, новая лежит, на всякий случай.

— Спасибо.

— И ещё. Если ночью будет страшно — Полкан Ефимыч с тобой. Если совсем страшно — моя дверь дальше по коридору, не заперта. Можно постучать. Можно просто зайти.

Соня кивнула. Глаза у неё были блестящие, но она не плакала.

— Спокойной ночи, Соня.

— Спокойной ночи, Вера.

Вера вышла, закрыла дверь, не до конца, на щёлочку. Полкан Ефимыч проскользнул внутрь — это означало: я тут останусь, не возражаю.

Соня осталась одна. Села под одеяло — большой плед накрыл её до подбородка. Полкан Ефимыч устроился у её ног, тёплый, тяжёлый.

В голове у Сони шёл спокойный счёт. Так в голове идёт счёт у любого ребёнка, который вырос в доме, где не было лишнего: что за это придётся отдать. Соня знала, что просто так у чужих не бывает. У неё было правило, которое сложилось как-то само: если тебе что-то дали, надо это отработать, иначе потом будет хуже. Поэтому Соня лежала и думала о

том, что будет делать.

Полы мыть. Это первое — она это умела. И в кафе, и наверху. Она встанет рано, до открытия, и будет мыть всё. У них должны быть полы, тряпки, ведро. Если нет — она спросит. Стаканы протирать она тоже умеет. Стулья, столы, стойку. Пыль вытирать. Если что-то ещё — она научится.

«Я отработаю, — сказала Соня про себя плюшевой собаке. — Не бойся.»

Собака не возражала.

И ещё Соня подумала: завтрак. Завтрак она всегда варила маме, потому что мама поздно вставала. Вера, наверное, тоже не любит готовить с утра — так делают взрослые, которые работают много. Это значит, что и здесь Соня будет готовить. Это будет её часть. Она знала овсянку, омлет, чай и кашу. Этого, возможно, хватит, чтобы отплатить за жильё. Может быть, её не прогонят.

Соня закрыла глаза. Полкан Ефимыч мурлыкал. Под пледом было тяжело и тепло, и это было новое чувство, которому Соня пока не знала названия.

Вера пошла в свою комнату. Села на кровать, не раздеваясь. Посмотрела на стену, на которой висела одна-единственная фотография — старая, чёрно-белая, без людей: просто дерево и часть забора. Никто не знал, что это и где, кроме Веры, но Вера никому её не показывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.